

**Кризис идентичности русских немцев
в годы Первой мировой войны:
по материалам переписки Ф.О. Краузе**

© О.В. Ерохина^{1,2}, А.Ф. Савченко²

¹МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

²Московский педагогический государственный университет,
Москва, 119571, Россия

Рассмотрен кризис идентичности на примере русских немцев, чья судьба в годы Первой мировой войны крайне показательна при изучении заявленной проблематики. Установлено, что формирование кризиса идентичности немцев в России проходило по мере отсечения их от прежней системы социального взаимодействия. Одной из главных причин этого стало изменение идентификации немцев русским большинством: от «другого», но все же «своего», — к «врагу». Сделаны выводы, что русский немец был поставлен перед выбором формы выстраивания своей коммуникации с новым для него социумом в период войны. Отмечено, что одна из возможных форм — постепенная интеграция в новую реальность через гражданскую составляющую с сохранением своей самобытности. Для этого изучен путь Ф.О. Краузе — русского немца, старшего врача санитарно-дезинфекционного отряда, служившего в Русской императорской армии на территории Галиции, Волыни и в Румынии.

Ключевые слова: идентичность, кризис идентичности, психология войны, Первая мировая война, российские немцы, гражданский национализм

Любая война, независимо от масштаба, всегда оставляет свой след. Он может быть видимым для современников и потомков, увечковечившись в разрушении прежнего жизненного ландшафта, а может носить невидимый — внутренний отпечаток, деформирующий ментальность, психику и идентичность человека. Закостенелый «попутчик» этой длительной пересборки самовосприятия и целостности человека — кризис его собственного «Я» [1]. Не просто время, когда человек утрачивает свое прежнее место в этом мире, но тот самый момент, когда сознание подвергается расщеплению, происходит утрата надежных антологических (укорененных) основ в прежней и, главное, *понятной* матрице социальных отношений.

Во время войн размывание и утрата прежней целостности эго-идентичности становятся повсеместными. Люди сталкиваются с проблемами самоопределения, ступая на путь поиска нового места, роли и предназначения в социуме. Сам кризис может принимать различные формы, в том числе развиваться в рамках коллективной идентичности, охватывая целые группы населения. Их единство в социально-экономическом, культурном и политическом плане в подобных условиях

деформируется, а прежний «общественный договор» разрушается или подвергается существенной перестройке. Кризис идентичности русских немцев в годы Первой мировой войны в этом смысле крайне показателен.

Русские немцы в начале XX в. сохраняли свои традиции, вероисповедание и культуру. При этом *общность* русских немцев была достаточно неоднородна на всем пространстве Российской империи, так как они являлись выходцами из разных германских земель и принадлежали к разным религиозным группам. В условиях Первой мировой войны подобное положение привело к закономерной трансформации прежнего образа немца: если ранее он был «другим», но все же «своим» для русских, то теперь он превратился во «врага», «тайного агента Вильгельма» и «виновника всех бед».

Описываемое кризисное положение русских немцев уже изучалось в отечественной и зарубежной науке. Учитывая многосоставность поднимаемой темы, разделим ее представление на несколько блоков. Так, общую эволюцию образа немца в российском социуме рассматривали С.В. Оболенская, Е.В. Жарких, Б.С. Котов и др. [2–4]. В их трудах были обозначены реперные точки постепенного развития восприятия немцев в России в имперский период.

На материалах периодической печати исследователи Н.В. Морозова, Д.В. Эйдук, И.К. Богомолов, Л.О. Горбачева показали, как проходила трансформация образа немца в годы войны [5–9]. Они не только проанализировали основные периодические издания, участвовавшие в антинемецкой истерии, но и охарактеризовали борьбу с «немецким засильем» в России в годы войны в контексте широкой информационной борьбы с «внутренним» и «внешним» врагом. Отдельно эта проблематика изучалась в трудах И.Г. Соболева, С.Г. Нелиповича и др. [10, 11].

Избранная в настоящей статье проблема в их работах раскрывалась через изучение особенностей складывания образа «врага» и образов «свой — чужой» в России по отношению к русским немцам в предвоенную эпоху, а также через анализ взаимодействия российской общественности и правительства по «немецкой проблеме». Однако тот социокультурный кризис, который заключался в нарушении прежних связей коммуникации между немцами в России и общим российским социумом, не исследовался напрямую, а скорее являлся общим фоном для раскрытия каждого отдельного фактора влияния. По мнению авторов настоящей статьи, именно этот кризис стал ключевой причиной деформации идентичности русских немцев. Они были практически изгнаны из российского социокультурного пространства и, потеряв свой привычный дом, пытались понять, кто они теперь и кем были ранее. В этом они видели выход из сложившейся

ситуации. Но что представлял собой данный путь и какие у него были варианты? В отечественной историографии указанная проблематика рассматривалась редко. Исключение — недавняя статья О.В. Ерохиной и В.Н. Шайдурова, где авторы показывают, как «под влиянием различных факторов российским немцам пришлось выбирать разнообразные способы сохранения своей идентичности: смена фамилии, эмиграция, полное погружение в свою профессиональную деятельность» [12].

В настоящей статье описываемый кризис реконструирован через судьбу Ф.О. Краузе — русского немца, который прошел Первую мировую войну как врач от начала и до конца. Для раскрытия темы были привлечены дневники Ф.О. Краузе и воспоминания вольноопределяющегося В. Арамилева [13, 14]. Кроме того, использованы материалы периодической печати: «Утро России», «Вечернее время», «Голос Руси», «Колокол».

Ф.О. Краузе: один из многих? Фридрих Оскарович Краузе (1887–1973) был выходцем из русских немцев. Его отец — учитель мужского реального училища при приходе лютеранской церкви Святого Михаила в Москве. С ранних лет Краузе пристрастился к чтению и впитал в себя немецкие и русские культурные традиции. В результате в годы войны он считал «своими» как германских немцев, так и самих русских в династии Романовых. В 1911 г. он окончил медицинский факультет Московского университета, став ассистентом в Морозовской больнице [13, с. 3]. Так он вступил на путь профессионального самоопределения, который сыграет одну из ключевых ролей в его дальнейшей судьбе.

Будучи человеком неординарным, Краузе сочетал в себе немецкую кровь и во многих случаях «русское», даже «московское» мировоззрение [13, с. 3], совмещенное с погружением в европейскую культуру.

Краузе, как многие русские немцы, являлся примером социализации и актуализации личности в рамках сложной связи межэтнических отношений [15, с. 9]. С точки зрения этнической идентичности в качестве социально-психологического феномена самоидентификация Краузе как немца представляла собой результат когнитивно-эмоционального процесса самоопределения индивида в социальном пространстве относительно русского и других этносов, включая в себя не только осознание, но и восприятие, понимание, оценивание принадлежности к своей этнической и гражданской общности [15, с. 9]. Подобная сложная интеграция в мирное время может рассматриваться как некоторый «мост» для взаимодействия разных народов. Но в годы их столкновения, примером чего стала Первая мировая война, для Краузе и многих русских немцев такая незавершенная интеграция

закономерно становилась почвой для кризиса идентичности, загоняя немцев в положение «своих среди чужих».

Пример Краузе не является уникальным, хотя он крайне показателен при изучении уже дальнейших метаморфоз идентичности немцев в России. Схожее чувство боли от наступивших событий разделяли с Фридрихом Оскаровичем многие его соплеменники. Предчувствуя надвигающийся раскол в обществе из-за «немецкой проблемы», Краузе и другие русские немцы вставали в позицию обороны и стремились объясниться перед своими русскими соотечественниками.

Одним из таких «защитников» стал Людвиг Готлибович Люц (1880–1941) — херсонский земский деятель, представлявший интересы немецких колонистов в Государственной думе. В своей знаменитой речи к депутатам 26 июля 1914 г. он заявлял, что немцы, населяющие Россию, сумеют «снять то оскорбление, которое могло быть нанесено одним предположением, что русско-подданные немцы могут изменить своему отечеству, чести и достоинства которого они никогда не забудут и никогда его не забывали» [16, с. 17]. Другим «защитником» был барон Гамилькар Евгеньевич Фелькерзам (1854–1929): остзейский помещик, член Государственной думы от Курляндской губернии, был единомышленником Л.Г. Люцем. Фелькерзам отмечал: «Искони верноподданное немецкое население Прибалтийского края всегда готово встать на защиту Престола и Отечества. Мы не только будем голосовать за все предложенные военные кредиты, но, по примеру наших предков, готовы жертвовать жизнью и имуществом за единство и величие России» [17, с. 83, 84].

Подобная риторика сплочения и интеграции всех против общего врага была принята единодушно в немецкоязычной прессе Российской империи. Явным примером этого стал один из номеров немецкой газеты *Volkszeitung* («Народная газета»), в котором редакция решила опубликовать выдержки из других немецких газет, издававшихся в стране. Во всем номере содержались призывы к «народной войне» и «единению» [18]. При этом сами русские немцы сокрушались: «Русские никак не могут поверить, что мы действительно верноподданные, и сколько мы приносим жертв, чтобы доказать это. Дай Бог им поверить, что мы любим дорогого государя не меньше всякого коренного русского» [19, с. 340].

Российское правительство пыталось стабилизировать ситуацию. Нападение на германское посольство в Петербурге было достаточно быстро ликвидировано силами власти. То же касалось беспорядков в столице и по всей стране. Как писал американский историк-русист Э. Лор: «Полиция по всей стране была проинструктирована относительно важности сохранения порядка, и большинство городов отчитались о принятии успешных мер по предотвращению насилия

против немцев» [16, с. 25]. Однако даже помощь верховной власти не могла способствовать спасению русских немцев от антинемецкой истерии.

Представитель фракции националистов Петр Николаевич Балашев (Балашов) (1871–1927) достаточно точно отразил настрой части русской общественности той поры по данному поводу: «На часах истории пробила великая минута. И в это тяжелое, в это славное время Россия призвана исправить некоторые свои исторические ошибки... Поклянемся же все, всеми силами забывши все, кроме великой цели, которую мы задались, что мы будем бороться до той минуты, пока эта вечная угроза правде, справедливости и миру, этот воинственный натиск, воинствующего германизма не будет сначала сломлен, а затем окончательно уничтожен» [20, с. 89, 90].

Итоги двойственности: кризис немецкой идентичности. Факторы складывания кризиса немецкой идентичности в начале XX в. были различны. Вследствие идеологической и психологической обработки населения в российском обществе еще в предвоенную эпоху обострилась психология «свой — чужой», эволюционируя от высокомерно-пренебрежительного отношения к определенному этносу (группе) до полного неприятия чужой культуры [21, с. 224]. В годы войны все это привело к активизации «немецкого вопроса» и радикализировало социально-культурное, экономическое и политическое пространство Российской империи [21, с. 4–6]. В результате проходила деформация прежней системы взаимоотношений, при этом российские немцы постепенно вычеркивались из российского социума, в рамках которого они проходили процесс социализации и самоактуализации личности.

Отношение самих немцев к этому разрыву и антинемецкой истерии хорошо выразил Краузе еще в самом начале войны, когда уже начались первые подвижки к «борьбе против немецкого засилья». Он писал: «Какая ненависть друг к другу, к людям, которые тебе никакого зла не сделали, которые случайно принадлежат к другой национальности» [13, с. 43]. Но призывы к объединению против врага и курс на подчеркивание *лояльности* стране были все громче в русской прессе. Это обостряло среди русских немцев не менее глубокую — почти нравственную во многих смыслах — проблему, ведь война велась с их этническими соплеменниками — германскими немцами. Подобное для сознания русских немцев стало сильным психологическим и культурным шоком.

Особая роль в усилении *раскола* принадлежала периодической печати. Именно она формировала общественное мнение и служила инициатором общественно-политических событий против немцев. Так, негативные образы Германии и германских немцев, представление

их «врагами Отечества», «милитаристами», «нарушителями европейского равновесия» закономерно влияло на самоидентификацию немцев в России и на общую обстановку в империи.

В российских газетах того времени лишь обострялась сложившаяся обстановка, в частности, такими заголовками, как «Борьба с немецким засильем» [22, с. 2], «Немцы в русских банках» [23, с. 4] или «Предательство “русских немцев”» [24, с. 4], придающими информации нужную окраску. Крайне ярко образ «внутреннего врага» был сформирован в одном из военных номеров газеты «Голос Руси»: «Германия долго и упорно готовилась к решительной борьбе с возрождающимся славянством: уже давно выслали немцы к нам передовые свои отряды. Многочисленные немецкие колонии на всем пространстве Европейской России — лучшее свидетельство давних воинственных замыслов Германии» [25, с. 2].

Но даже при массовости антинемецкой позиции российская пресса не была однородна. Можно выделить как минимум две основные линии восприятия конфликта.

Первая линия раскрывается через газету «Утро России» — «глашатая воинствующих московских капиталистов», отражавшую политические взгляды прогрессистов в IV Государственной думе [6, с. 2]. В письме от 17 августа 1914 г. Краузе даже отсылает своей невесте отрывок из статьи Т. Ардова (псевдоним Владимира Геннадьевича Тардова) (1879–1938), в котором журналист отмечает, что Германия в войне похожа «на одного огромного Бисмарка, на эту отвратительную фигуру, обсыпанную сигарным пеплом» [26, с. 1]. Краузе к этой точке зрения и общему курсу по дегуманизации врага относился крайне отрицательно, а потому большинство статей из газет «Утро России» и «Русское слово» называл «крикливым патриотизмом» [13, с. 25]. Ему более импонировала вторая линия восприятия конфликта, хорошо выраженная в статье Юр. Лигина (псевдоним Леонида Наумовича Юровского) (1884–1938) «Ради нашего достоинства»: «Мы воюем с Германским государством, стремящимся к мировому владычеству. Но мы не воюем с отдельными немцами, проживающими мирно в России» [13, с. 25]. Во многом именно между этими двумя крайностями находилось как российское общество, так и российские немцы, задаваясь вопросом, кто мой друг, а кто враг.

Эти вопросы тогда были особенно актуальны, поскольку в ходе войны грань между «немецким» и «германским» стерлась, а различные российские авторы пытались дать свою оценку немецкой культуре и ее влиянию.

Русский философ Николай Александрович Бердяев (1874–1948) отмечал, что пусть «проникновение немцев было вредным и фатальным. Но влияние немецкой философии и немецкой духовной культуры

было в высшей степени плодотворным» для России [27, с. 40]. В годы войны по мере радикализации общества массовой становится точка зрения, изложенная русским философом Владимиром Францевичем Эрном (1882–1917) в октябре 1914 г.: «Под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружились хищные кровожадные когти» [28, с. 116–124]. Поэтому «орудия Круппа», в его понимании, «суть самое вдохновенное, самое национальное и самое кровное детище немецкого милитаризма», напрямую связанное с немцами и их влиянием [28, с. 116–124]. Место русских немцев в этом контексте было достаточно противоречивым.

Немцы, на примере Краузе, пытались доказать, что нападки на их культуру беспочвенны, ведь «не гнилая, не варварская нация создала эту литературу, эту философию, эту музыку и эту науку» [13, с. 119]. Но данные попытки не могли продавить общую волну неприятия всего чужеродного, которая охватила Россию.

Антинемецкая кампания, как война с «малой Родиной», возбудила в русских немцах кризис идентичности, вынуждая каждого отдельного немца сомневаться даже в своей этнической принадлежности, «пораженной милитаризмом». Это проявлялось в смене российскими немцами своих фамилий, что, в частности, обуславливалось страхом за свою безопасность [5, с. 81, 82]. С точки зрения психологии все это лишь углубляло кризис идентичности русских немцев, усиливая их интеграцию в России через перенесение на себя некоего «стандарта русскости» и совсем без элементов своих культурных корней.

«**Мы — немцы**» или «**мы — русские**»? Краузе, как многие его соплеменники, тоже испытывал страх за себя, своих родных и свою культуру. Комментируя происходившую в стране ситуацию невесте в сентябрьских письмах 1914 г., он пытался скрыть свое восприятие проблемы за сдержанными словами, при этом колеблясь «в мыслях о высокой культуре его собственного народа» [13, с. 76].

Своеобразным рубиконом для него на первом этапе кризиса стали события сентября 1914 г. После разрушения германскими войсками Лувена в Бельгии между французским писателем Роменом Ролланом (1866–1944) и германским драматургом Герхартом Гауптманом (1862–1946) начался спор о состоянии немцев, за которым следил Фридрих Оскарович по статьям в «Русских ведомостях».

Роллан осудил германскую агрессию и призывал немцев к протесту против действий властей, считая тех лишь «слепым орудием» Берлина [29]. Он выдвигал обвинения: «...вы (Гауптман — *примеч. авт.*) бессильны поднять голос против гуннов, которые вами распоряжаются... лучшая часть немцев поработена злейшим из деспотизмов» [29]. Немецкий драматург заявлял: «Война есть война. Можно оплакивать войну, но не удивляйтесь вещам, которые неразлучны

с этой стихийной катастрофой» [30]. Он не считал только Германию виновной в войне, а зверства называл лишь ложью прессы.

В октябре 1914 г. было опубликовано воззвание «К культурному миру». Представители немецкой науки и культуры призывали лишь к одному: «Верьте, что эту борьбу мы до последнего будем вести как культурный народ, которому завещание Гете, Бетховена, Канта столь же свято, сколь святы ему свой очаг и своя земля» [31].

Краузе реагировал на публикации по-разному. Воззвание заставило его задуматься, ведь его авторы были «не шовинисты, не люди, привыкшие преклоняться перед Вильгельмом» [13, с. 51]. Ответ Гауптмана он встретил сдержанно, не разделяя его идеи о «заговоре всех против одного» [13, с. 78]. Все больше Краузе, как и многие, погружался в уныние от ведущейся войны, доходя до того, что сам начинал сомневаться в своем собственном народе: «иной раз кажется, что мы, немцы, в самом деле варвары, недостойные вырожденцы, парии человечества» [13, с. 78].

В.В. Арамилев (псевдоним И.А. Зарянова), участник тех событий, писал, что немцев ругали все. По его мнению, они чувствовали себя «так же, как здоровый человек чувствует себя среди прокаженных» [14, с. 71].

Сравнивая ноябрьские письма Краузе с сентябрьскими ответами Гауптмана, можно отметить два пути реакции на антинемецкую истерию. Если Гауптман на фоне внутренних потрясений погружается в себя и отстаивает свою *самость*, свою идентичность и чистоту имени своего народа, то Фридрих Оскарович показывает иной путь. На его примере видим постепенную деформацию его сознания и самоидентификации как немца. Причиной этого в первую очередь стала ведущаяся в России информационная война через сообщения о немецких зверствах, общей антинемецкой истерии и призывов уезжать «верным российским подданным» на «родину» в Германию [25, с. 2].

Важно, что Краузе в своих письмах не отмечает пренебрежительного отношения к себе в армии из-за немецкого происхождения. Однако он знал такие примеры. Из писем своей невесты он получил информацию о притеснениях из-за немецких корней Николая Николаевича Вильяма (1867–1920) — старшего врача терапевтического отделения Морозовской больницы. Такие явления повергали его в ужас. Он не понимал, почему даже «люди знакомые» поддаются начавшейся истерии. Но что делать, если старый мир для русских немцев рухнул, а сами они стали практически изгнанниками?

Комментируя ситуацию с Вильямом, в одном из писем к своей невесте Краузе формулирует собственный вариант выхода из сложившегося кризиса: «Нам, находящимся между этими двумя народностями, тяжело думать и говорить об этой войне. Мы знаем одно, что у нас

есть обязанности, которые мы должны исполнять, независимо от того, легко ли они нам достанутся!» [13, с. 51]. Краузе призывал не поддаваться пропаганде: «Если наши государства воюют, если мы как сознательные граждане выполняем свой тяжелый долг, то мы еще не будем оплевывать все, что не наше, не затопчем в грязь те ценности, которые раньше признавали!» [13, с. 51].

Этот порыв был свойственен многим российским немцам. Одни получили награды за героизм — К. Вебер, Р. Келлер, Г. Борман, А. Шмидт [32, л. 70 об.], другие отстаивали свою гражданскую и этническую идентичность [33, с. 119, 120]. Безусловно, подобный путь «оздоровления» был не единственным в рамках выхода из сложившегося кризиса, но изучение иных путей является отдельной темой для исследования, поскольку не находит отражение в рассматриваемом источнике.

Если проводить более системный анализ выбранного Краузе пути, то лучшим примером станет знаменитое произведение А.П. Чехова «Вишневый сад» (1904): когда русские дворяне теряют свое поместье — место памяти и спокойствия в мире катаклизмов, они начинают понимать, что значило для них иметь этот сад и быть дворянами, им обладающими [34]. То же самое можно увидеть в положении русских немцев: потеряв спокойное пространство для развития в Российской империи, куда те стремились для «новой жизни» долгие столетия русско-немецкого диалога, они попали в ситуацию, когда сами обстоятельства требовали от них ответа на противоречивый вопрос: «Если мне — немцу — нужно отказаться от того, что значит быть немцем, то что это? Что именно делает меня немцем?» [13, с. 216]. Так, теряя себя — свой привычный мир, крайне комфортный для жизни и развития, русские немцы начинали себя *понимать*, вырабатывая не только образ прошлого, но и те маркеры, по которым они отличали себя настоящих. Одни немцы, считывая эти «немецкие черты», пытались от них отказаться: меняли фамилии, имена, начинали одеваться иначе. Другие, как Краузе, пытались опереться на немецкую культуру как на возможность самоосознания и лишь с опорой на свои немецкие корни осмысленно входили в новое российское социокультурное пространство.

В заключение следует отметить, что кризис идентичности русских немцев стал результатом многих факторов: в первую очередь это была реакция на разрушение прежней системы межэтнических отношений — логичный итог деформации социокультурного пространства Российской империи. Начавшийся кризис в годы Первой мировой войны побуждал немцев искать альтернативы утраченной картины мира, формировать новые ценностные ориентации через обращение к историческому прошлому. Попытки раствориться в своей

социальной идентичности под влиянием кризисной ситуации закономерно встречали ряд проблем, поскольку из-за процесса по дегуманизации врага — особенно в русской прессе — русские немцы начали сомневаться в своей этносоциальной общности. Краузе, будучи отрезанным на фронте от привычного для себя социального пространства, пытался опереться исключительно на внутренние ресурсы. Для «оздоровления» своего «Я» он, имея широкий кругозор и склонный к анализу ум, пытался найти обоснования сложившегося кризиса и войны через кризис культуры. Неслучайно он называл Первую мировую войну бойней «культурных народов». И именно по мере изучения этого культурного кризиса он вступал на путь восстановления целостности своей эго-идентичности. Делал он это посредством интеграции в прежнюю общность (как немецкую, так и российскую) при сохранении своей самости и упоре на гражданский национализм и профессиональную идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Леонтьев Д.А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека. *Философские науки*, 2009, № 10, с. 5–10.
- [2] Оболенская С.В. *Германия и немцы глазами русских (XIX век)*. Москва, Институт всеобщей истории РАН, 2000, 209 с.
- [3] Жарких Е.В. Формирование национальных образов Германии в русском обществе в конце XIX — начале XX века. *Вестник Брянского государственного университета*, 2012, № 2, с. 86–89.
- [4] Котов Б.С. Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 2011, т. 13, № 3–2, с. 391–398.
- [5] Морозова Н.В. *Немецкий вопрос и центральная периодическая печать России (июль 1914 — февраль 1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук*. Волгоград, 2010, 279 с.
- [6] Эйдук Д.В. «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг.: по материалам газеты «Утро России»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2008, 26 с.
- [7] Эйдук Д.В. Германия и немцы в русской печати, июль — октябрь 1914 г. (по материалам газеты «Утро России»). *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 2008, № 2, с. 104–111.
- [8] Богомолов И.К. Русская печать о причинах и истоках Первой мировой войны. *Россия и современный мир*, 2014, № 3, с. 133–142.
- [9] Горбачева Л.О. Российская национально-либеральная публицистика периода Первой мировой войны о сущности германского милитаризма. *Вестник Брянского государственного университета*, 2012, № 2, с. 71–76.
- [10] Соболев И.Г. *Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук*. Санкт-Петербург, 1998, 17 с.
- [11] Нелипович С.Г. Проблема лояльности российских немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников. *Немцы России и СССР. 1901–1941: Материалы международной научной конференции*. Москва, Готика, 2000, с. 365–380.

- [12] Ерохина О.В., Шайдуров В.Н. Первая мировая война и кризис идентичности российских немцев. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 2024, т. 23, № 1, с. 19–29.
- [13] Краузе Ф.О. *Письма с Первой мировой (1914–1917)*. Санкт-Петербург, Нестор-История, 2017, 544 с.
- [14] Арамилев В. *В дыму войны. Записки вольноопределяющегося. 1914–1917*. Москва, Молодая гвардия, 1930, 340 с.
- [15] Татарко А.Н., Лебедева Н.М. *Методы этнической и кросскультурной психологии*. Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 2011, 236 с.
- [16] Лор Э. *Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны*. Москва, Новое литературное обозрение, 2012, 301 с.
- [17] Заявление трудовой группы. *Оранжевая книга (До войны). Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г. Высочайшие манифесты о войне. Историческое заседание Государственной думы 26-го июля 1914 г.* Санкт-Петербург, Типография товарищества «Грамотность», 1914, 93 с.
- [18] *Volkszeitung*, 1914, 27 июля.
- [19] Аксенов В. *Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918)*. Москва, Новое литературное обозрение, 2022, 992 с.
- [20] Заявление националистов. *Оранжевая книга (До войны). Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г. Высочайшие манифесты о войне. Историческое заседание Государственной думы 26-го июля 1914 г.* Санкт-Петербург, Типография товарищества «Грамотность», 1914, с. 89–90.
- [21] Сеньявская Е.С. *Психология войны в XX веке: Исторический Опыт России*. Москва, РОССПЭН, 1999, 383 с.
- [22] Борьба с немецким засильем. *Голос Руси*, 1914, 14 октября, № 278.
- [23] Немцы в русских банках. *Вечернее Время*, 1915, 29 апреля, № 1101.
- [24] Предательство «русских немцев». *Колокол*, 1914, 19 сентября, № 2513.
- [25] Губарев Ал. Немецкий вопрос в России. *Голос Руси*, 1914, 1 сентября, № 235.
- [26] *Утро России*. 1914, 14 августа, № 189.
- [27] Бердяев Н.А. Русская идея. В кн.: *Самопознание: Сочинения*. Москва, ЭКСМО-Пресс, Харьков, Фолио, 1998, с. 11–248.
- [28] Эрн В. От Канта к Круппу. *Русская мысль. Кн. XII*. Москва, Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1914, с. 116–124.
- [29] Ромен Р. Открытое письмо Герхарту Гауптману. *Иностранная литература*. URL: <https://ino-lit.ru/lit/text/2404/30997/Rolland/nad-shvatkoj-1914.htm> (дата обращения: 25.02.2026).
- [30] Гауптман Г. Война. Письмо Герхарта Гауптмана Ромену Роллану. *Blocktitle*. URL: https://nik191-1.ucoz.ru/publ/istorija_sobytyja_i_ljudi/istorija_sobytyja_i_ljudi/vojna_pismo_gerkharta_gauptmana_romenu_rollanu/7-1-0-5661 (дата обращения: 25.02.2026).
- [31] *AndieKulturwelt!* October 4, 1914. WaybackMachine. URL: <https://web.archive.org/web/20100217085620/http://www.nernst.de/kulturwelt.htm> (дата обращения: 25.02.2026).
- [32] *РГВИА*. Ф. 1759, оп. 4, д. 619.
- [33] Герман А.А. Подвиг ефрейтора Эрентраута. Российские немцы в годы Первой мировой. *Родина. Российский исторический журнал*, 2014, № 8, с. 118–120.
- [34] Чехов А.П. *Вишневым сад*. Москва, АСТ, 2017, 413 с.

Статья поступила в редакцию 26.02.2026

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Ерохина О.В., Савченко А.Ф. Кризис идентичности русских немцев в годы Первой мировой войны: по материалам переписки Ф.О. Краузе. *Гуманитарный вестник*, 2026, вып. 1. EDN EDTDTL

Ерохина Ольга Викторовна — д-р ист. наук, профессор кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана, профессор кафедры «История России» Московского педагогического государственного университета. e-mail: erohinaol@bmstu.ru

Савченко Алексей Федорович — младший научный сотрудник Отдела истории ИНИОН РАН, студент магистратуры Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.
e-mail: alexey.savchenko_02@mail.ru

The Identity Crisis of Russian Germans During the First World War: Based on the Correspondence of F.O. Krause

© O.V. Erokhina^{1,2}, A.F. Savchenko²

¹ Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

² Moscow Pedagogical State University, Moscow, 119571, Russia

The identity crisis was examined using the example of Russian Germans, whose fate during the First World War is highly illustrative for the stated problem. It is established that the formation of the identity crisis among Germans in Russia occurred as they were gradually excluded from their former system of social interaction. One of the main reasons for this was the transformation of their perception by the Russian majority: from "the other," yet still "one of us," to "the enemy." It is concluded that Russian Germans were faced with the need to choose a form of communication with a new social environment during the war period. It is noted that one possible form was gradual integration into the new reality through a civic dimension while preserving their cultural identity. For this purpose, the life trajectory of F.O. Krause, a Russian German and senior physician of a sanitary disinfection unit who served in the Imperial Russian Army in Galicia, Volhynia, and Romania, is examined.

Keywords: identity, identity crisis, psychology of war, First World War, Russian Germans, civic nationalism

REFERENCES

- [1] Leontiev D.A. Labirint identichnostey: ne chelovek dlya identichnosti, a identichnost' dlya cheloveka [The labyrinth of identities: not a person for identity, but identity for a person]. *Filosofskie nauki — Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2009, no. 10, pp. 5–10.
- [2] Obolenskaya S.V. *Germaniya i nemtsy glazami russkikh (XIX vek)* [Germany and Germans through the Eyes of Russians (19th Century)]. Moscow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000, 209 p.
- [3] Zharkikh E.V. Formirovanie natsionalnykh obrazov Germanii v russkom obschestve v kontse XIX — nachale XX vekov [Formation of national images of Germany in Russian society in the late 19th — early 20th centuries]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta — The Bryansk State University Herald*, 2012, no. 2, pp. 86–89.
- [4] Kotov B.S. Obraz rossiyskikh nemtsev v russkoy presse nakanune Pervoy mirovoy voyny [The image of Russian Germans in the Russian press on the eve of the First World War]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk — Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2011, vol. 13, no. 3–2, pp. 391–398.
- [5] Morozova N.V. *Nemetskiy vopros i tsentralnaya periodicheskaya pechat Rossii (iyul 1914 — fevral 1917 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk* [The German question and central periodical press of Russia (July 1914 — February 1917): Diss. ... Cand. Sc. in History]. Volgograd, 2010, 279 p.
- [6] Eyduk D.V. *"Obraz vraga" i perspektivy voyny v russkoy periodicheskoy pechati v 1914–1915 gg.: po materialam gazety "Utro Rossii": Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* ["Enemy image" and war prospects in Russian periodical press in 1914–1915: based on the newspaper "Utro Rossii": Abstract of Diss. ... Cand. Sc. in History]. Saint Petersburg, 2008, 26 p.

- [7] Eyduk D.V. Germaniya i nemtsy v russkoy pechati, iyul — oktyabr 1914 g. (po materialam gazety “Utro Rossii”) [Germany and Germans in Russian press, July — October 1914 (Based on the newspaper “Utro Rossii”)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya — Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2008, no. 2, pp. 104–111.
- [8] Bogomolov I.K. Russkaya pechat’ o prichinakh i istokakh Pervoy mirovoy voyny [Russian press on the causes and origins of the First World War]. *Rossiya i sovremennyy mir — Rossiya i sovremennyy mir*, 2014, no. 3, pp. 133–142.
- [9] Gorbacheva L.O. Rossiyskaya natsional’no-liberal’naya publitsistika perioda Pervoy mirovoy voyny o suschnosti germanskogo militarizma [Russian national-liberal journalism of the First World War period on the essence of German militarism]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta — The Bryansk State University Herald*, 2012, no. 2, pp. 71–76.
- [10] Sobolev I.G. *Borba s “nemetskim zasil’em” v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny: Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The fight against the “German dominance” in Russia During the First World War: Abstract of Diss. ... Dr. Sc. in History]. Saint Petersburg, 1998, 17 p.
- [11] Nelipovich S.G. Problema loyalsnosti rossiyskikh nemtsev v konfliktakh XX veka: istoriografiya voprosa i krug istochnikov [The problem of loyalty of Russian Germans in 20th century conflicts: historiography and sources]. In: *Nemtsy Rossii i SSSR. 1901–1941: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Germans of Russia and the USSR. 1901–1941: Proceedings of the international scientific conference]. Moscow, Gotika Publ., 2000, pp. 365–380.
- [12] Erokhina O.V., Shaydurov V.N. Pervaya mirovaya voyna i krizis identichnosti rossiyskikh nemtsev [The First World War and the identity crisis of Russian Germans]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii — RUDN Journal of Russian History*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 19–29.
- [13] Krauze F.O. *Pisma s Pervoy mirovoy (1914–1917)* [Letters from the First world war (1914–1917)]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, 544 p.
- [14] Aramilev V. *V dymu voyny. Zapiski volnoopredelyayuschegosya. 1914–1917* [In the smoke of war. Notes of a volunteer. 1914–1917]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1930, 340 p.
- [15] Tatarko A.N., Lebedeva N.M. *Metody etnicheskoy i krosskulturnoy psikhologii* [Methods of ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow, HSE University Publ., 2011, 236 p.
- [16] Lor E. *Russkiy natsionalizm i rossiyskaya imperiya: kampaniya protiv “vrazheskikh poddannyykh” v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian nationalism and the Russian empire: The campaign against “enemy subjects” during the First World War]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 301 p.
- [17] Zayavlenie trudovoy gruppy [Statement of the Labor Group]. In: *Oranzhevaya kniga (Do voyny). Sbornik diplomaticheskikh dokumentov. Peregovory ot 10 do 24 iyulya 1914 g. Vyschayshie manifesty o voyne. Istoricheskoe zasедanie Gosudarstvennoy dумы 26-go iyulya 1914 g.* [The Orange Book (Pre-war). Collection of diplomatic documents. Negotiations from July 10 to 24, 1914. Supreme manifestos on war. Historical session of the State Duma of July 26, 1914]. Saint Petersburg, Tipografiya tovarishestva “Gramotnost”, 1914, 93 p.
- [18] *Volkszeitung*, 1914, July 27.
- [19] Aksenov V. *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii (1914–1918)* [Rumors, images, emotions. Mass sentiments of Russians during the war and revolution (1914–1918)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 992 p.
- [20] Zayavlenie natsionalistov [Statement of nationalists]. In: *Oranzhevaya kniga (Do voyny). Sbornik diplomaticheskikh dokumentov. Peregovory ot 10 do 24*

- iyulya 1914 g. Vysochayshie manifesty o voyne. Istoricheskoe zasedanie Gosudarstvennoy dumy 26-go iyulya 1914 g. [The Orange book (pre-war). Collection of diplomatic documents...]. Saint Petersburg, Tipografiya tovarishestva "Gramotnost'", 1914, pp. 89–90.
- [21] Senyavskaya E.S. *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [Psychology of war in the 20th century: the historical experience of Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999, 383 p.
- [22] Borba s nemetskim zasiliem [The fight against German dominance]. *Golos Rusi*, 1914, October 14, no. 278.
- [23] Nemtsy v russkikh bankakh [Germans in Russian banks]. *Vechnyye Vremya*, 1915, April 29, no. 1101.
- [24] Predatelstvo "russkikh nemtsev" [The betrayal of "Russian Germans"]. *Kolokol*, 1914, September 19, no. 2513.
- [25] Gubarev Al. Nemetskiy vopros v Rossii [The German question in Russia]. *Golos Rusi*, 1914, September 1, no. 235.
- [26] Utro Rossii, 1914, August 14, no. 189.
- [27] Berdyayev N.A. Russkaya ideya [The Russian idea]. In: *Samopoznanie. Sochineniya* [Self-knowledge: collected works]. Moscow, EKSMO-Press, Kharkov, Folio, 1998, pp. 11–248.
- [28] Ern V. Ot Kanta k Kruppu [From Kant to Krupp]. *Russkaya mysl. Book XII*. Moscow, Tipolitografiya Tovarishestva I.N. Kushnerev i K^o, 1914, pp. 116–124.
- [29] Romen R. Otkrytoe pis'mo Gerkhartu Hauptmanu [Open letter to Gerhart Hauptmann]. *Inostrannaya literatura*. Available at: <https://ino-lit.ru/lit/text/2404/30997/Rolland/nad-shvatkoj-1914.htm> (accessed February 25, 2026).
- [30] Hauptman G. Voyna. Pismo Gerkharta Hauptmana Romenu Rollanu [War. Letter from Gerhart Hauptmann to Romain Rolland]. *Blocktitle*. Available at: https://nik191-1.ucoz.ru/publ/istoriya_sobytiya_i_ljudi/istoriya_sobytiya_i_ljudi/vojna_pismo_gerkharta_gauptmana_romenu_rollanu/7-1-0-5661 (accessed February 25, 2026).
- [31] Andie Kulturwelt!, October 4, 1914. *Wayback Machine*. Available at: <https://web.archive.org/web/20100217085620/http://www.nernst.de/kulturwelt.htm> (accessed February 25, 2026).
- [32] *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)* [Russian State Military Historical Archive]. F. 1759, op. 4, d. 619.
- [33] German A.A. Podvig efreytora Erentrauta. Rossiyskie nemtsy v gody Pervoy mirovoy [The feat of private Erentraut. Russian Germans during the First World War]. *Rodina. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*, 2014, no. 8, pp. 118–120.
- [34] Chekhov A.P. *Vishnevyy sad* [The cherry orchard]. Moscow, AST Publ., 2017, 413 p.

Erokhina O.V., Dr. Sc. in History, Professor of the Department of History, Bauman Moscow State Technical University (MSTU), Professor of the Department of Russian History, Moscow Pedagogical State University (MPGU). e-mail: erohinaol@bmstu.ru

Savchenko A.F., Junior Researcher, History Department, INION RAS; Master's student, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (MPGU). e-mail: alexey.savchenko_02@mail.ru